

Коло Года¹.

Годовой круг в традиции индоевропейцев

Магическое, мистическое и обрядовое восприятие годового коло как основного символа и отображения вечного таинства жизни существовало у всех народов Земли – с тех самых древних пор, когда человек жил в едином ритме с природой и богами. Для северных, нордических традиций, в противовес традиции южной, шумерской, характерно восприятие не 12-частного, а 8-частного годового круга, что до сих пор отражается в календарных обрядах многих индоевропейских народов. У некоторых индоевропейцев – например, в Литве – 8-частный календарь сохранялся и использовался до самого недавнего времени.

Если 12-частный календарь представляет, по сути, попытку согласовать для практического использования два разношаговых ритма – ритм обращения Луны с ее лунными месяцами и ритм движения Солнца по эклиптике, с весьма приблизительным соблюдением границ 12 созвездий, превращенных в зодиакальные «дома», то календарь восьмичастный основан на едином ритме – годовом преображении Солнца, с четырьмя главными сильными точками, на основе которых рассчитываются четыре дополнительных. Главные точки – точки «Солнечного креста», солнцестояние летнее и зимнее, равноденствие осеннее и равноденствие весеннее – выделяются на ровном течении реки времени, даже не требуя особых математических познаний для их вычисления, достаточно лишь внимательно наблюдать за продолжительностью дня. О том, чем замечательны четыре дополнительные точки, называемые обычно точками «второго креста» (или «огненного креста»), и о способах расчета их будет подробно сказано на ближайших страницах.

8 частей годового коло организованы аналогично повороту солнечного колеса в течение суток – что неудивительно, так как у всех индоевропейцев солнечные циклы считались священными. Таким образом, основным, солнечным крестом, вокруг которого «вращается» годовое коло, становится крест, соединяющий два солнцестояния (зимнее и летнее, полночь и полдень года соответственно) и два равноденствия (весеннее и осеннее, восход и закат года). Второй крест, в свою очередь, рассчитывался по золотому сечению от первого: находилась точка, разделяющая по золотому сечению отрезок времени между двумя основными точками. Этот крест включал еще четыре праздника: пиковые точки каждого из времен года соответственно.

Ниже мы приводим описание названий точек-праздников, прибегая при этом к источникам всех трех североевропейских традиций – кельтской, скандинавской и славянской (о необходимости пользоваться перекрестными ссылками и наработками всех североевропейских «братских» народов, включая и балтов, мы подробно расскажем ниже):

- 22 декабря - Зимний Солнцеворот, Alban Arthuan. Коляда у славян, Йоль у скандинавов
- 1 февраля - Имболк (Imbolc), Громница у славян
- 22 марта - Весеннее Равноденствие, Alban Eiler. «Плавающая» Масленица у славян
- 1 мая - Бельтан (Bealteinne). День Живы у славян
- 22 июня - Летний Солнцеворот, Alban Herium, Купала у славян
- 1 августа - Лугнаса (Lughnasadh), Перунов день у славян
- 22 сентября - Осеннее Равноденствие, Alban Elued
- 1 ноября - Самайн (Samhuinn), Осенние Деды у славян

¹ Из книги: М. Грашина, М. Васильев. Языческий календарь. Миф, обряд, образ. Москва, 2010.

Однако, формально существующие 8 годовых точек, определяемых в зависимости от солнечного и лунного циклов, по разному акцентировались в различных северных традициях.

Приведенный здесь кельтский ряд отражает только одну из известных кельтских традиций, а именно ирландскую. Мы привели здесь этот ряд, поскольку именно в данной традиции наличествуют 4 ярко выраженных точки перехода, сопровождавшиеся большими социальными праздниками, а остальные точки рассматривались в значительно меньшей степени, так, что не сохранилось даже народных названий для данных праздников.

В отношении славянской обрядовости, к сожалению, доступная нам для исследований традиция во многом вырожденным крестьянских обычаев 18-19 веков в отношении сакральности уступает на много веков более древней традиции кельтов, однако и здесь сохранились отзвуки былой магии прохождения сильных годовых точек.

В целом же, наш подход в рамках данного исследования заключается в том, чтобы одновременно держать в фокусе внимания исторический, фольклорный, мифологический, литературный и другие материалы, имеющие отношение к традиции всех трех (а вернее четырех) «братских» североевропейских народов: славяне, кельты, скандинавы, балты. Только в таком варианте мы надеемся максимально полно охватить общую картину, оставив как можно меньше «белых пятен».

В кельтской традиции, например, отсутствует не только ярко выраженная точка середины лета, но и оба праздника равноденствия. Ось Самайн – Бельтан делит год на темную и светлую половины, Лугнаса и Имболк делят каждую надвое, а равноденствия и солнцестояния почти не упоминаются в сказаниях бардов и королей, оставаясь достоянием поселян, которые, однако, в своей зафиксированной этнографами обрядности больше внимания отдают все же точкам перехода. В славянской системе особо выражены точки, связанные с Солнцем, а точки перехода, особенно весенняя и осенняя, распределены на несколько почитаемых праздников, как переходящих, так и постоянных, и накрывают примерно по две недели. Можно, в общем, сказать, что для известной нам кельтской традиции более значимы праздники второго (как его называли, огненного) креста, для славян – солнечного, или аграрного. Скандинавская система, сильно покалеченная церковью с ее пасхальным циклом, в наибольшей степени сохранила праздники темной половины.

Максим Фомин в своей статье о Бельтане следующим образом описывает годовое коло кельтов:

«Всякий этнос, вырабатывая собственное понимание времени, измерял его либо по Солнцу, либо по Луне - и ничего лучше он бы и не нашел. Сообщения о календарной системе древних кельтов дают основание утверждать, что ее характер несколько отличался от общепринятой схемы. Год делился на две половины, а деления на три (четыре) сезона появилось позднее. «Кельты, - читаем мы у Дж. Риса - рассматривали тьму и смерть как начала сущего и отдавали им предпочтение перед жизнью и светом; таким образом, в своих исчислениях времени они начинали не со светлой половины - дня и лета, но с зимы и ночи».

Зима охватывала период с 1 ноября по 1 мая, а лето - период с 1 мая по 1 ноября. «Не так уж много работ свидетельствует об употреблении такого рода календаря (у древних народов - прим. М.Ф.) или о преимуществах, которые можно из него извлечь, но внимание и забота, которыми древние ирландцы окружали природу - это достаточно очевидно для нас». Ряд исследователей считает, что кельтский календарь не имел ничего общего с привычным нам солнечным годом или годом лунным, но соответствовал году аграрному и деление на две половины согласовывалось с концом земледельческих работ и загоном скота в зимние стойла, с одной стороны, и их началом и выгоном стад на летние пастбища, с другой. Началом Нового Года у древних кельтов была ночь на 1 ноября, что никак не согласуется с солярно-лунарными циклами: обычно это день, за последним

новолунием перед тем, которое ближе всего к зимнему солнцестоянию - с которого, к примеру, начинали свой год древние германцы. "В эту ночь произносились заклинания, чтобы определить, кто умрет или сыграет свадьбу до следующего 1 ноября, т.е. в течение только что начавшегося года. "Сегодня - Канун Нового Года", - поют подростки острова Мэн, надевая маски и празднично шатаясь по деревням. Определенные мэнские обычаи были автоматически перенесены с 1 ноября на 1 января, а старожилы еще припоминают, что в прежние времена 1 ноября считалось именно началом Нового Года. И не всякий кельт осознает, что ночь Самайна - еще и начало зимы - "Nos Calan Ganauf" - "канун зимы", как говорят валлийцы.

Интересно отметить, что в кельтологической литературе нет общепринятого мнения по поводу того, какой день считался первым в году. В пользу 1-го Мая можно привести следующие свидетельства:

- Вендрюес в статье, посвященной Белтайну, отмечает следующее: "Belltaine - День 1-го Мая, обозначает начало лета и, разумеется, начало года, и приводит следующую цитату: "y belltaine co belltaine"

- Дж. Рис в статье о галльском календаре из Нолиньи, пишет: "Год начинался с Ноября (Cutios), а вторая половина - с Мая (Cantlos); в наши дни в определенной мере это так и осталось в Уэльсе; тогда как Гойделы, начав год в Мае, дополняли его второй половиной - с Ноября; скорее всего, при установлении равновесия между зимним и летним полугодиями весы неизменно перевешивали в пользу летнего."²

Пенник в своей выдающейся книге «Практическая магия в северной традиции» (Practical Magic in the Northern Tradition) описывает друидический сакральный год как сочетание четырех солнечных точек (весеннего и осеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояния) и четырех огненных праздников, названных так по той причине, что в каждом из таких праздников присутствует ритуал, связанный с огнем. Это название может несколько сбивать с толку, поскольку существуют другие народные праздники различных традиций, связанные с возжиганием священных огней, костров или «огней нужды», однако название Огненные праздники ('Fire Festival') является очень древним; еще в 10 веке христианский архиепископ Кашеля (Ирландия) утверждал, что в его время четыре священных огня возжигались в честь четырех священных праздников Друидов в феврале, мае, ноябре и декабре – что, собственно, и является свидетельством сохранения традиционных Огненных Праздников последователями Старшей Веры.

Про праздники огненного креста пишет и Грейвс в своей «Белой Богине»:

«Второй месяц начинался 21 января и заканчивался 17 февраля. На его середину (2 февраля) приходится важный кельтский праздник - теперь: Сретение. Он знаменовал оживание года и был первым из четырех дней, в которые британские ведьмы справляли свои шабашы. Остальные приходились на канун мая (Вальпургиева ночь), праздник урожая (2 августа) и канун Дня Всех Святых, когда год подходил к концу. Эти дни соответствуют четырем великим ирландским праздникам огня, упомянутым Кормаком, архиепископом Кашеля».

Интересным наблюдением является то, что для второго (солнечного) креста мистериальная и обрядовые части во многом совпадают – то есть нет существенных отличий между основными элементами народных игр и гуляний и основными мифологическими сюжетами, связанными с прохождением данной точки. У славян, например, что на Масленицу, что на Купалу, что на Коляду само народное гуляние (обрядовое действие) уже включает в себя конкретные магические (ритуальные) элементы.

Впрочем, наполненность народного гуляния мистериальным, божественным содержанием – величина трудноизмеримая. Здесь приходится обращать внимание не только на различия меж праздничными циклами, но и на тонкие региональные различия даже внутри памяти одного народа: в украинской традиции самым таинственным,

² Фомин Максим. Календарный праздник Belltain в системе фольклорно-мифологических представлений кельтских народов.

переполненным чудесами праздником испокон веку была Купала, а для Северной Руси – Коляда, в одних областях пик массовых обрядов с участием «гостей» из Иного Мира приходился на весну, в соседних – на позднюю осень. Нет нужды повторять, что традиционное народное гуляние даже в поздние времена - не столько развлечение, заполнение досуга, сколько обрядовое действо, призванное восстановить и поддержать извечный мировой порядок. Поэтому смысл гуляния довольно успешно забывался, но сама привязка его к определенной точке во времени несла в себе важную информацию для народной памяти – по выбору времени и места для гуляния можно косвенно проследить, какое время и какие Силы обитающим здесь народом почитались в особенности.

Отдельно хотелось бы сказать о изначальном традиционном (сакральном) календаре наших самых северных братьев в Исландии. Для древней Исландии сезонов, по сути дела, было не столько четыре, сколько 2 – зима и лето. Кораблев в своем исследовании древнеисландских календарей (1-lit_4) связывает начало каждого из времен года с окончанием (зима) и открытием (лето) мореходного сезона.

Соответственно, и основных сакральных праздников было четыре – соответственно начало и пиковая точка каждого сезона:

- Сумарблот ("летнее жертвоприношение") - первый день лета, четверг между 19 и 25 апреля.
- Мидсумар ("середина лета") - летнее солнцестояние, самый длинный день в году. Дата меняется в зависимости от года.
- Ветрнэтр ("зимние ночи") - ночь перед началом зимы в субботу с 21 по 27 октября.
- Йоль - праздник середины зимы. Сейчас празднуется 13 дней от зимнего солнцестояния.

Если Йоль и Мидсумар сохранился в традиции современных праздников и в неоязыческих реконструкциях, то праздники Сумарблот и Ветрнэтр только с очень большой натяжкой можно уподобить лежащим близко к данной точке Бельтану и Самайну. В силу лаконичности самого Сакрального Коло (4 точки вместо 8), на обе точки начала лета и начала зимы соответственно выпадает целый ряд функций, «размазанных» у других народов более-менее по целому ряду сезонных праздников. Так, Сумарблот – это и окончательные проводы Зимы, и встреча лета, которые в нашем славянском праздничном цикле зачастую бывают разнесены на полтора – два месяца.

В «Младшей Эдде» Снорри Стурлусон упоминает более древние варианты исландских названий месяцев:

«С равноденствия - это осень, покуда солнце не заходит в девятый час. Затем - зима до равноденствия. Затем - весна до дней смены жилья (far-dagar). Затем – лето до равноденствия. Haust-mánuðr «месяц сбора урожая» - название последнего месяца перед зимой, Gog-mánuðr «месяц забоя скота» - название первого месяца зимы, затем [идет] Freg-mánuðr «месяц мороза», затем - Hgrút-mánuðr «бараний месяц», затем - Þorri, затем - Góí, затем - Ein-mánuðr «единственный месяц», затем - Gauk-mánuðr «кукушачий месяц» или Sáð-tíð «время посева», затем - Egg-tíð «пора яиц» или Stekk-tíð «пора ягнят», затем - Sól-mánuðr «солнечный месяц» или Sel-mánuðr «месяц обитания в пастушьих хижинах», затем [идет] Heu-annir «сенокос», затем - Korn-skurðag-mánuðr «месяц жатвы пшеницы (зерен)».» [«О поэтической речи» пер. А. Фоулкс; П. Ду Чайллу.]

Три «семьи» северовропейцев и практика исследования традиции

Прежде, чем дальше вникать в мистические и мифологические, обрядовые и фольклорные источники понимания смысла годового круга славян, нам следует объяснить, почему в данной книге мы все время будем прибегать к «перекрестным ссылкам», обращаясь к дошедшим до нас и существующим свидетельствам как собственно славянским, так и относящимся к наследию германских и кельтских племен.

Для этого, прежде всего, мы должны заняться вопросом: откуда, собственно, есть пошла культура славянских народов?

Как пишет А. Платов в своей неопубликованной статье «У самого синего моря... (в поисках Истинной Родины)»,

«...Прежде всего, договоримся: наш мир, Россия – часть европейской белой цивилизации. Что бы ни твердили нам «евразийцы», и как бы ни пытались штатовские политики вбить клинья между Евросоюзом и Россией, это – так. Достаточно вспомнить, что в средневековой Европе не было другого королевского дома, так тесно связанного родством со всем белым миром, как Рюриковичи. Достаточно не забывать, что культурный разрыв Европа-Русь возник лишь во времена пред-петровского кризиса. А то, что сейчас наша империя простирается до Тихого океана и занимает половину евразийского континента – это только заслуга наших предков, продвигавших европейскую цивилизацию на восток.

...Когда мы говорим о европейской сакральной Традиции – шире, о европейской традиционной культуре, – мы обращаемся к огромному по протяженности историческому этапу, в течение которого и происходило, на самом-то деле, реальное формирование европейской цивилизации. Раннее Средневековье, принесшее с собой христианство и новую культуру, фактически, застало нашу цивилизацию уже сформировавшейся. Да, мы многое пережили с тех пор и во многом изменились, однако развитие цивилизации подобно развитию человека: как бы ни менял его опыт, приобретаемый во взрослой жизни, основой личности все равно остается то, что заложено в детстве. (Особенно, если вспомнить, что эпоха Традиции длилась существенно дольше, чем все последующие эпохи, вместе взятые)».

Несмотря на распространенную в историческом сообществе традицию возводить истоки европейской культуры к античности, существует иной взгляд, ориентирующий взгляд исследователей на Север. Как, например, пишет А.А.Хлезов, автор ряда работ по культуре и истории древнего Севера, «Средиземноморская цивилизация является приемной матерью по отношению к Европе, в то время как глухие леса тацитовой Германии и «острова Скандза» – ее природная, биологическая прародительница... Главной и магистральной линией преемственности европейской цивилизации является германо-кельто-славянская, но не античная, и она гораздо в большей степени, чем последняя, близка нашему восприятию».

Если же говорить о Северных истоках славянской традиции, возвращаясь к мифологическому образу пресловутой северной Гипербореи, о местонахождении которой немало спорят современные неоязычники, где именно определим мы место расхождения северо-европейских народов?

Существует огромное количество исследований, вполне обоснованно определяющих те или иные варианты местонахождения славянской прародины. Вполне возможно, что они не столько противоречат друг другу, сколько свидетельствуют об активном движении праславянских народов – или о том, что очень трудно поставить точку, где начинается история непосредственно того или иного народа...

Нас в данном случае интересует не та точка отсчета нашей истории, которая явилась общей для всех индоевропейских народов – как для европейцев, так и, к примеру, для индийской культуры.

Мы в своем поиске опять обращаемся к статье Платова, который для исследования собственно того момента в истории цивилизаций, где коренятся истоки нашей истории предлагает обратиться к весьма своеобразной культуре, сложившейся на берегах Балтики в конце III тысячелетия до н.э.

«Четыре с половиной тысячи лет тому назад на Берегах Балтики – в южной Скандинавии и на территории северной Польши и северо-восточной Германии – сложилась индоевропейская по языку этническая общность, на континенте со всех сторон

окруженная не-индоевропейским населением – носителями древней археологической культуры маглемозе. Сегодня археологические памятники этой общности получили – по распространенному в погребениях знаковому предмету – название *культуры боевых топоров*.

...Конец III тысячелетия до н.э. – действительно переломный момент в европейской истории. *Что-то произошло*. В течение буквально нескольких столетий носители культуры боевых топоров на уровень обгоняют в развитии своих соседей – как в области материальной культуры, так и в области социальной. Судя по косвенным данным, уже тогда они собирали дань с окружающих племен; примерно с начала II тысячелетия до н.э. начинается мощная экспансия носителей боевых топоров – оружия уникального – в глубину континента.

В середине II тысячелетия до н.э. они знакомятся с бронзой; в бронзовом веке эти балтийские территории становятся очагом очень яркой и самобытной культуры. Бронзовые изделия местных (Скандинавия, Ютландия и др.) мастеров не имеют аналогов нигде в Европе, включая и Средиземноморье; они уникальны и настолько высокохудожественны, что уже одно это позволяет многим авторам рассматривать данный регион как «устойчивый очаг культурогенеза».

....В конце II – начале I тыс. до н.э. «на базе» той части носителей культуры боевых топоров, которая далеко углубилась в континент, складывается прото-кельтская культура (будущий гальштат). Собственно на южном побережье Балтики под влиянием культуры боевых топоров формируется лужицкая археологическая культура – будущие славяне. В Скандинавии и на юго-западе Балтики возникают первые прото-германские племенные объединения...»

Многие из исследователей славянской традиции обращаются в своих штудиях не только к собственно фольклорным произведениям, сохранившимся в крестьянской аграрной традиции, но и к литературным переложениям традиционных мифов и образов, из которых мы просто не можем обойти вниманием такую судьбоносную для русской литературы фигуру, как А. С. Пушкина и его сказки.

Изучение этих сказок может многое дать тому, кто стремится постигнуть суть славянской традиции. В том числе, и ответ на вопрос – где же то место, которое мы можем считать своим сакральным, мифологическим домом. Место, у которого не может не быть реального географического прообраза...

...Какой рефрен раз за разом возникает в сказках Пушкина, привлекая внимание исследователей, отзываясь в сердце дрожью узнавания?

Море. То самое «синее» море, которое присутствует практически во всех сказочных произведениях великого поэта...

«...Некоторые авторы пытаются ассоциировать море Пушкина с Черным морем, древним Эвксинским Понтом, а Лукоморье – с одним из его заливов. Однако, «дуб зеленый» – не самое распространенное растение черноморских курортов, да и ель на острове Буян, так сильно напоминающая нам Мировое Древо индоевропейцев, скорее указывает нам на север, а не на жаркий юг...

...На Балтике, «у самого синего моря», там, где происходит действие сказок Пушкина, находится наша Родина. Именно к сформировавшейся там, а потом распространившейся от Атлантики до Тихого океана культурной общности мы должны обратиться в стремлении отыскать Дорогу Домой...»

Наши собственные воспоминания о неоднократном пребывании на Балтийском побережье калининградской области способствуют узнаванию; действительно – вот оно, это место, где падуб и дуб на песчаных дюнах вздымаются над седым побережьем, где стаи лебедей усеивают серебристую морскую гладь, а сумрачные еловые рощи перемежаются с пронизанными солнцем ольховыми лесами, окутанными зеленой дымкой,

где пятисотлетние ясени соревнуются в своей кряжистой мощи с двухсотлетними липами, растущими из вовсе необъятных корней – останков и свидетелей величия последних Священных Рощ языческой Европы.

Именно оттуда тянется след славянской культуры, след, распавшийся далее на два – с вычленением собственно славян, распространившихся по материку, и балтов, оставшихся у родных побережий. Кельтские племена ушли на Запад, германские – на Север. Славянам выпал путь на Восход, но только в триединстве наследия «братских» народов можем мы найти ключ, приближающий нас к истинному истоку нашей общей культуры.

«...Историки никогда не зададут себе вопроса, почему культуре боевых топоров наследовали именно три суперэтноса – германцы, славяне, кельты. Именно три – не два, и не четыре, и не пять.

Три – священное число индоевропейцев (да и не только их). Индоевропейская мифология подразумевает три группы богов, индоевропейская традиционная социология – три связанные с ними касты. Боги смерти и магии – каста браманов, магов, жрецов и учителей. Боги войны – каста воинов. И боги плодородия – каста свободных людей, земледельцев, строителей, купцов. Не выше и не ниже в общем смысле. Три начала, без взаимодействия которых невозможен мир.

Единая Традиция наследников культуры боевых топоров разделилась на три ветви. Несложно увидеть, что это деление отвечает общеиндоевропейскому триадному принципу, и каждый из наших этносов имеет свою «специализацию», несет на себе печать одного из триады высших индоевропейских богов.

- Кельты, ушедшие на закат, – магия и смерть.
- Германцы, оставшиеся на севере, – война.
- Славяне, ушедшие на восход солнца, – плодородие и рождение.

Конечно, в каждом народе есть свои маги, свои воины и свои земледельцы. И тем не менее, три частные Традиции, на которые разделилась некогда Традиция исходная, представляют три стороны изначальной Силы...»

Таким образом, в нашей работе мы руководствовались именно таким принципом поиска.

Мы изучали исландские и ирландские саги, волшебные сказки шотландцев и валлийский Мабиногион. Мы исследовали наследие друидов, дошедшее до нас в том числе в творчестве истинных кельтских бардов, сохранивших и в современном мире свою сакральную жреческую функцию (прекрасным примером чего может послужить жизнь и творчество Роберта Грейвса). Мы изучали воинские обычаи северных германцев, исландские саги и предания старшей Эдды, а также русские народные сказки и предания, как дошедшие до нас в изустной форме, так и воспринятые через призму литературного гения таких гигантов, как А. С. Пушкин. Мы изучали фольклорные обрядовые песни, игры и традиционные действия славянских народов, от Заполярья до Кавказа и Прикарпатья. Мы знакомимся с деятельностью современных языческих организаций, как молодых российских, которым насчитывается не более 10 лет, так и обладающие солидным опытом, как, например, почти 200-летний «Орден бардов, оватов и друидов» Британии. Огромным подарком стало для нас близкое общение с нашими литовскими сородичами, семьей Тринкунасов, музыкальным коллективом «Кулгринда», неоязыческой и фольклорной организациями «Ромува» и «Рамува». Знакомство с живой – и все более оживающей на глазах – традицией балтов стало для нас откровением: балты – четвертая ветвь северных индоевропейцев – со своей неподражаемой, насквозь языческой и матрической культурой, не примыкают вполне к какой-либо из указанных трех ветвей, но представляют своего рода заповедную территорию, на которой Традиция сохранила первоначальный, давний-предавний образ гармонии всех трех ветвей. Именно балты из всех североевропейских народов в наиболее первозданном виде донесли до нас

сегодняшних практики традиционных обрядов, песнопений, обращений к Силам – в первую очередь за счет сохранности языческой традиции, в виде прямой передачи существовавшей на территории Литвы вплоть до конца позапрошлого века.

В мифологии и сакральном наследии кельтов, в воинских традициях скандинавов, в народном фольклоре и аграрных обычаях славян и в околорприродной обрядовости балтов мы черпали ту необходимую нам информацию, которую в конечном итоге смогли синтезировать в общее представление о сакральном, обрядовом, магическом, природном смысле традиционного календаря...

Магический смысл годового круга

В своих «Магических искусствах Древней Европы», Антон Платов начинает рассмотрение магического традиционного календаря с интерпретации известной славянской сказки о 12 месяцах.

Эта сказка дает прекрасное представление о традиционном восприятии календарного круга. Не формальное представление абстрактного промежутка астрономического времени, но ЖИВАЯ картина рождения, развития, увядания и смерти; совокупность одушевленных образов, символизирующих различные точки поворота годового колеса, от младенца до старика – именно так видели священный год наши предки... Именно так у источника всех вод, у корней Древа мира увидела Священный Год девочка, попавшая в компанию двенадцати – а в более ранних версиях, несомненно, восьми – его божественных Ликов.

В основе любой магии лежит общеизвестный закон подобия – в мире все подобно всему. Так и колдовращение сильных точек года традиционного календаря издревле связывалось с циклами жизни Божества – от его рождения – через возмужание – в смерть и трансформацию в новую жизнь.

Путь навстречу Зимнему Солнцу – это путь темной стороны года, длящийся с Самайна по Бельтан – с конца октября по начало мая. Это – путь темной трансформации, дорога, которой молодой Бог проходит в поиске Богини. Бог, умирающий на Самайн, возрождающийся в новой силе на Коляду и встречающий свою Богиню на Бельтан – чем начинается светлая половина года, которая достигнет своей высшей точки в момент летнего солнцеворота. Цикл этот повторяется каждый новый год, и каждый раз нет полной уверенности в исходе пути сквозь тьму, но ясным символом торжества летних сил проходит с нами зимним путем образ праздника Купалы...

Цикл умирания Бога начинается с поворота годового колеса на летнее солнцестояние. В этот день по кельтскому древесному календарю Молодой бог-падуб убивает Старого бога – дуба: похороны Бога знаменуют собой начало поворота года на зиму, к новому перерождению и новому возрождению (см. у Р. Грейвса).

Во всех традициях, а также во многих наследовавших традиционным церковных представлениях ранней весной, в точке Имболка, впервые проявляется женственная сила Богини – пока еще в своей девственной ипостаси (Дева). Весенняя богиня, встречаемая на Масленицу – юная девушка, на Бельтан и русальные пляски конца мая – начала июня – буйствующая в свои последние незамужние часы молодая девица, опасная своей дикой, иностранной красотой; мужней женой предстает Богиня в час своего бракосочетания на летнее Солнцестояние и умирает на Лугнасу, в осенних же праздниках место молодой женщины постепенно занимает старуха – Макошь, третья ипостась, символизирующая Ту сторону силы. В зимний период землю хранят чары Морены, старухи-смерти, покров которой милосердно сохраняет семя новой жизни для новой весны. С нею вместе, хранит зимний мир после смерти молодого бога Вещий, Владыка Павших, великий Бог, древнее самой смерти, повелевающий силами по обе стороны реки-Смородины, разделяющей срединный мир от мира Иного.

Интересно, что Грейвс в «Белой Богине» описывает ассирийскую скульптуру, представляющую годовой круг, символика которых использовалась в мифологии и

обрядовости многих североевропейских народов, несмотря на то, что сама скульптура очевидно отражает традицию южной Европы и Средиземноморья:

«Ассирийская скульптура, изображение которой Феликс Лажард приводит в "Sur la Culte de Mithra" (1847), показывает год как дерево с тринадцатью ветками. На стволе дерева пять полос, и ветки, похожие на скипетр, расположены по шесть на каждой стороне и одна - наверху. Несомненно, это сельскохозяйственный год Восточного Средиземноморья, который начинается осенью, но соотношенный с солнечным годом, начинающимся в день зимнего солнцестояния, ибо здесь есть маленький шар, представляющий новый солнечный год, висящий над последними тремя ветками. Кроме того, из двух стоящих на задних ногах коз, которые поддерживают дерево, тот, что справа, - козел - повернул голову так, что его рог напоминает молодой месяц и касается основания самой верхней из трех последних веток. Голова другой - козы - повернута так, что рога ее напоминают луну на ущербе, и она тянется к трем первым веткам. У нее полное вымя в соответствии со временем года, потому что первые козлята появляются на зимнее солнцестояние. Похожая на лодку новая луна плывет над деревом, а группа из семи звезд, из которых седьмая самая яркая, расположена рядом с козой, и это доказывает, что она - Амалфея, мать рогатого Диониса. Козел, стоящий справа, - ассирийский двойник Азазела, козла отпущения, приносимого иудеями в жертву⁹ в начале сельскохозяйственного года. Пять полос на стволе, из которых одна в основании ствола, а другая на верхушке - пять "поворотных точек" года. На вавилонском дереве года, изображенном в той же книге, их символизируют пять веток.»

Таким образом, мы видим, что традиция остается таковой вне зависимости от сторон света и климатических условий; вопрос только в том, насколько традиционные мифологемы и обрядовость сохранились в современной жизни и насколько полно можно восстановить или создать заново то, что, к нашему сожалению, не сохранилось вовсе.

Традиционный календарь с разных позиций: народный календарь, магический календарь

Традиционный календарь, как и все в традиции, совмещает в себе целый ряд функций в зависимости от того, кто именно и для чего его использует. Если рассматривать традиционное кастовое разделение общества на магов, воинов и земледельцев, для всех трех категорий значение традиционных праздников будет различным, различаться будут и некоторые аспекты обрядовости и принципы организации ритуалов, и даже сами даты отмечаемых праздников, хотя общие магические принципы и смыслы тех или иных точек естественно остаются неизменными.

Для магического календаря основное значение имеют точки «магических переходов», точки, в которых грань миров истончается настолько, что определенные ритуальные действия могут действительно позволить произвести магические изменения с большей лёгкостью, чем в любое другое время. Это точки Огненного креста, «время соприкосновения миров», из которых наиболее известны у всех народов Бельтан (начало мая) и Самайн (конец октября – начало ноября). В силу того, что кельты, в отличие от славян, в значительной степени сохранили магическую традицию, именно их ритуалы, названия и представления о духе магических точек на сегодняшний день являются определяющими в мире. Кельтская традиция смогла даже зафиксировать некоторые традиционные праздники в современных «обрядах» (Halloween, или ночь всех святых, в традиции Британии и бывших британских колоний, например в США).

Более глубокие знания об организации магических точек годового круга в кельтской традиции дает изучение творчества посвященных бардов. Так, например, Грейвс в своей «Белой Богине» описывает полный магический годовой календарь – древний друидический календарь деревьев, связанный с циклами Богини (Луны) и представляющий 13-частный магический год. Известно, что священные деревья и

связанная с ними магия были существенной частью ритуалов друидов, а культ Богини был основой магической традиции Британских островов.

Одно из преимуществ магического календаря связано с бытованием его в среде людей Знания – наиболее «книжной» части любого общества, и состоит в том, что календарь этот сохранился в некотором числе законченных памятников самого разного вида – от хрупких, подверженных порче и искажению записей на пергамене и бумаге до неподвластных стихиям каменных кругов. К тому же, составляющие его элементы – основные временные точки, периоды, способы датировки – получили зафиксированные имена и связные описания. Как ни пострадала от времени, скажем, кельтская священная Традиция, содержание точек Бельтана и Лугнаса, Самайна и Имболка, связанные с ними предания и обычаи сохранены в целом ряде произведений, и описания эти не столь уж противоречивы между собою. В магических календарях мы видим несколько сильнейших точек, разделяющих замкнутое годовое Коло на несколько отрезков – как правило, равных, и сочетающихся вместе в некую уравновешенную понятийно-знаковую систему, для описания которой потребен значительный уровень абстракции.

Обращаясь же к народному календарю, мы получаем и гораздо большую разноголосицу в фиксациях, и совершенно иной способ организации священного времени. Народный календарь практически любого европейского народа оперирует большим количеством памятных точек – от трех до двадцати в каждом месяце, каждая из которых носит имя преставившегося в этот день христианского святого, и зачастую – вместе с ним, а то и вместо него – совершенно языческое имя-прозвище: Громница на Руси, День Лопнутого в Исландии, Русальный Великдень на Украине и др. Далеко не во всех случаях сохраняется память о происхождении этого праздника, о связанных с ним деяниях божеств и древнейших героев, зато сохраняется связанная с этой датой практическая информация – что сеять в этот день, какого бедствия остерегаться, начинаются или кончаются в этот день морозы, дожди, сушь и тому подобное.

Если священный календарь магов обычно строен и математически упорядочен – сильные точки равномерно распределены по годовому кругу, четко связаны с датами равноденствий и солнцестояний, с фазой луны, с первыми числами месяца, то в календаре народном значимых точек гораздо больше, а кроме того они не распределены упорядоченно по всему годовому кругу, а сосредоточены по нескольким праздничным циклам – рождественскому (приуроченному к зимнему солнцестоянию), масленичному, великопостному, пасхальному, летнему или Троицкому, осеннему или урожайному, и некоторым более мелким. Практически в каждом календаре особыми празднествами и обрядами отмечаются: таяние снега (хоть и происходят в разное время, с разбросом по всей Европе в четыре месяца), первый приплод у скота, первый гром в небе, первая, вторая и т.д. полоса дождей, начало и окончание сбора урожая той или иной культуры, первый снег, ледостав на реках и так далее, и каждое событие в жизни природы сопровождается легендой, все разнообразие которых невозможно воспроизвести, хотя подобная работа ведется не одно столетие. При этом в большем почтении оказываются дни, отмечающие фазы солнечного цикла – равноденствия и солнцестояния, чем переменчивые, не связанные напрямую с солнечным счетом времени активные точки Луны. Возникает впечатление, что народному календарю вообще не свойственно понятие «сильной точки», а основной способ счета времени связан с циклами сеяния – сбора – переработки – потребления продуктов земледелия, аналогичными периодами для скотоводов, рыболовов и др. При этом, народный календарь оперирует не двенадцатью и даже не восемью частями года, а более крупными отрезками – временами года, коих может быть не обязательно четыре привычных. Напомним, что народный календарь западных кельтов знает всего два времени года – теплую половину, делящуюся от Бельтана до Самайна, когда скот пасется на открытых пастбищах, и половину холодную, открывающуюся праздником Самайна (Дня всех Святых), когда с приближением холодов скот загоняется в хлева.

При всем при этом, народный календарь-месяцеслов и календарь магический представляют собою две системы с тесной взаимной связью. Во-первых, архетипические образы древних творцов мироздания, владык больших циклов присутствуют в более «домашнем» обличье и среди сельских богов и божков, отмечающих недели и дни в повседневном течении линейного времени. Для описания столь значимого предмета, как Время, любой живой культуре требуется большая образность, если угодно, поэтичность, чем та математическая определенность, что возникает при простом порядковом определении двенадцатого дня в пятом месяце, когда земля прогревается до нужных восемнадцати градусов. Поэтому традиция любого народа наделяет дни и месяцы именами собственными, занимая их у знакомых с детства дедов-хранителей, связывает наиболее значимые дни с героическими деяниями, о которых каждый в этом народе слышал еще в колыбели. Откуда же берутся имена и образы для таких описаний? Из преданий и сказаний, хранимых магами.

Во-вторых, краткие циклы народного календаря входят в состав больших циклов, на который делит год календарь магический. Поэтому сильные точки года, с большей или меньшей погрешностью, отражены и в большинстве хозяйственных календарей нынешней Европы. Даже если для той или иной местности они в бытовом отношении ничем не примечательны, народная традиция не может совсем забыть о них, пока не перестала воспринимать любой цикл времени – день, год, жизнь – как единое целое, с рождением, смертью и возрождением после нее.

Любая сильная точка – одна из четырех магических точек «Огненного креста», или одна из четырех основных солнечных фаз, а также в меньшей степени – первые числа месяцев, первое полнолуние того или иного времени года – становится в народном месяцеслове рубежом, границей между полосами возрастания и убывания природной силы, между подъемом и спадом времени года.

Все становится на свои места. Перед нами – две системы описания Времени, между которыми почти всегда можно совершить перевод из одной в другую, как из дюймов в сантиметры и обратно. Народный календарь как порождение хозяйственной практики следует в своих отметках за конкретными событиями хозяйственного цикла. Магический календарь, детище веков наблюдений и озарений – берет за основу глубинную схему, отражающую универсальное устройство бытия. Но при всем при том, оба они имеют дело с одним и тем же текущим временем, считают одни и те же дни и связаны с кругом обращения одного и того же мира, с его Солнцем, Луной и звездами. Потому эти две системы не могут не быть взаимосвязаны, ибо порождены одной Традицией, которая, как известно, не сохраняет совершенно бесполезных вещей, существующих лишь в умозрении.

Поэтому не стоит удивляться феномену, с которым мы столкнемся при изучении некоторых сильных точек, когда обнаружим, что в народном месяцеслове той или иной страны не найдется прямого соответствия славянской Купале или ирландскому Самайну, но вокруг самой точки сосредоточено несколько менее значимых праздников, между которыми, если взять их в комплексе, рассредоточивается сложное и многоплановое содержание названной точки. Это разночтение не отменяет ни одной из названных систем, но приводит к определенному выбору системы отсчета – в зависимости от того, какой именно практической цели вы пытаетесь достичь, применяя тот или иной календарь из числа тех, что сохранились до сего дня в памяти вашего народа.

Искусство исчислять точки перехода: Солнце, Луна, смена сезонов.

Очевидно, что с определением основного, солнечного креста праздников: равноденствия – солнцестояния, проблем не возникает. Как говорится, астрономия – она и в Африке астрономия, и даты Купалы (с 21 на 22 июня), Коляды (с 21 на 22 декабря), Весеннего (с 21 на 22 марта) и Осеннего (с 21 на 22 сентября) равноденствий вычисляется астрономически – как момент самого длинного дня – самой короткой ночи, обратный

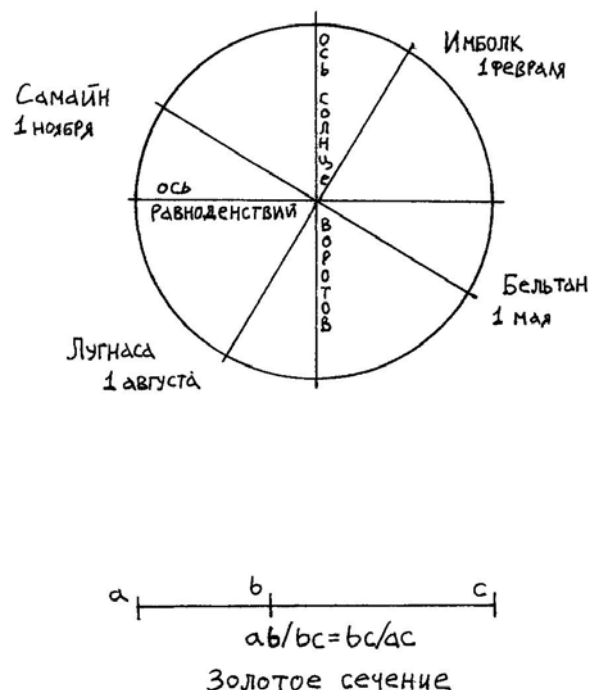
момент самой длинной ночи – самого короткого дня, и моменты равенства дня и ночи ответственно.

Сложнее обстоит дело с огненным крестом праздников. Пенник в своей «Практической магии в северной традиции» поясняет принципы вычисления огненного креста восьмичастного года. В друидической традиции, год делится на четыре четверти по огненному кресту на основании определения точки захода солнца, которая должна находиться на $16^{\circ} 20'$ южнее или севернее линии равноденствия, наблюдаемой четыре раза в году на «солнечные» праздники (равноденствия и солнцестояния) из друидического сакрального центра (центрального святилища). Таким образом, четыре даты Огненных праздников – это 4 февраля, 6 мая, 8 августа и 8 ноября. Февральская дата знаменует собой окончание зимы и начало весны, майская – окончание весны и начало лета, августовская – окончание лета и начало осени, ноябрьская – окончание осени и начало зимы. Сегодняшние даты праздников несколько отличаются от традиционных и приходятся на начало соответствующих месяцев.

Существуют и другие варианты вычислений; так, к примеру, Ирина Сидоренко в своей статье «Космизм календаря и золотое сечение» предлагает вычислять соответствующие точки, используя пресловутое «Иррациональное число 1,618033..., названное Леонардо да Винчи *sectio aurea* (золотым сечением³)»:

«Известно, что индоевропейские обряды, давшие начало календарям многих народов Азии и Европы, были связаны с днями летнего и зимнего солнцестояний, весеннего и осеннего равноденствий. Если принять эти дни за точку отсчета, то, рассекая год по золотому сечению, мы выходим на четыре других индоевропейских праздника, хотя разница географических широт не позволяет установить для них единые даты для разных народов».

Рис. 1. Определение праздников «Второго креста» по золотому сечению.

³ Золотое сечение — деление отрезка, при котором большая его часть является средней пропорциональной между всем отрезком и меньшей его частью.

Вместе с тем, в мифологическом значении точек (а значит, и в мистериальном и обрядовом их наполнении) допустимы и даже неизбежны региональные различия. Климат больших пространств – регионов обитания основных семей и даже меньших племенных территорий может весьма различаться. В силу горного рельефа, наличия больших болот и озер, близости к теплым морским течениям или господствующим ветрам, Год в одной области «стареет» чуть раньше, а молодеет чуть позже, чем в другой. Вода и ее обитатели для жителей приморских краев несут несколько большее – и повседневное, и священное – значение, чем для землепашцев с равнин. Неизменным для всей Северной Обители является мистерия, связанная со «сроком жизни» небесных светил – годовой круг Солнца и месячный круг Луны, взаимодействие их при смене Дня и Ночи. Поэтому не стоит удивляться, встретив в культуре кельтских Островов обряды и поверья, связанные с Имболком (начало февраля), но на Руси посвященные Масленице.

Так, например, если осенний Праздник Огня (Самайн) действительно на Руси может знаменовать собой начало зимы (праздник Первого Снега в центральной России реально приходится обычно на начало – середину ноября), то все праздники весенне-летнего сезона существенно смещены по отношению к отличающимся мягким «морским» климатом Британским островам; роль начала весны в большей степени играет праздник Масленицы, роль окончания весны – Купала.